

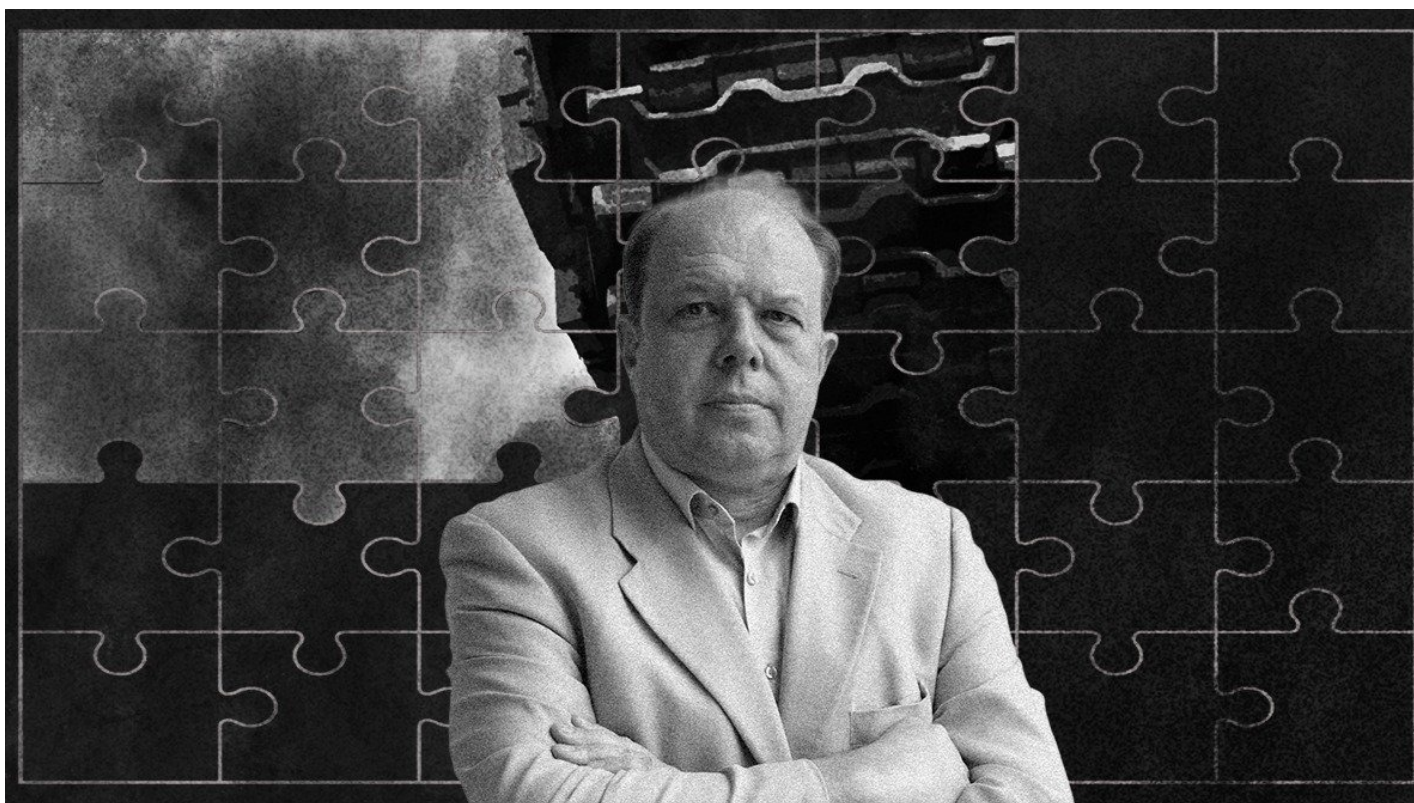

НОВАЯ ГАЗЕТА

ЛАБОРАТОРИЯ БУДУЩЕГО • ОБЩЕСТВО

Будущее уже здесь...

Оно размазано неравномерно, и его стараются не
замечать

Олег Буклемишев

13:11, 17 июля 2026,

Олег Буклемишев

директор Центра исследования экономической политики МГУ

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Говоря сегодня о «будущем после», мы видим четкую развилку. Эта развилка находится в точке, в которой заканчиваются военные действия. От нее начинаются другие веточки. Они связаны с отношением к окружающему миру, с делением людей на врагов и не врагов. Единственное, чем хороша нынешняя ситуация, так это тем, что она дает полную определенность: жесткую, зафиксированную. Мы все точно знаем, что можно, а что нельзя, что стоит делать или говорить, а что не стоит, потому что если нечаянно скажешь, то ты подпадаешь под целый комплект нового законодательства. Довольно логичная схема, в которой человек находится в царстве определенности. Но это только кажется. Внутри это схемы бесконечное число неопределенностей.

Например, сегодня вроде бы есть явное представление о том, что есть вражеский бизнес и бизнес из дружественных стран. Но тут появляется история с Соединенными Штатами. А они кто? Вчера были вражескими, а сегодня дружеские? Возникает когнитивный диссонанс. Как узнать, у кого, стоит ли выстраивать сегодня отношения с американским бизнесом? У нас ведь даже официально теперь существует перечень «недружественных стран». Интересно, что он называется «Перечень государств и территорий, осуществляющих против Российской Федерации юридических и физических лиц недружественные действия». Любопытно, что этот документ принят во исполнение указа президента о том, кому можно платить долги, а кому нельзя. А вовсе не вообще про дружбу или не дружбу. Но прижилась расширительная трактовка. А на самом деле никаких жестких запретов вести экономические взаимодействия нет.

И так у нас во всем: есть узкий технический документ, который растягивают на всё, и это всё сразу становится неопределенным и непонятным. Но с этим и возникают возможности. Потому что бизнес, когда видит такую неопределенность, тут же

воспринимает ее как дырочку возможностей и устремляется в нее. Через такую дырочку многие начинают работать. И так возникают возможности для чего-то альтернативного, незацементированного, непредписанного. Это разжимает изнутри зафиксированную определенность.

Ощущение «будущего после» возникает практически всегда, когда страна переживает беду или потрясение. Такое было в пандемию, когда люди начинали думать, что и как будет после того, как она отхлынет, вернется ли нормальная жизнь. Но она, эта нормальная жизнь, не успела начаться толком, потому что ее накрыл февраль 22-го.

Похожее было и в 1812 году, когда те, кто сначала сражался, а потом прошел всю Европу, неизбежно подмечая там разное, вернулись домой и стали также неизбежно смотреть на всё вокруг другими глазами. И так возникли декабристы. Что-то подобное было и после Великой Отечественной войны. Но ни во что не могло развиваться, поскольку машина репрессий работала как часы, и все это понимали и мысли свои держали при себе.

Как держит при себе свои мысли сегодня бизнес. Он очень многое проиграл и потерял в последнее время. Однако мыслить критически не разучился. И научился подстраиваться под обстоятельства, чтобы выжить. Люди из бизнеса сегодня стараются виртуозно соблюдать писанные и неписанные нормы. Предприниматели сосуществуют как со все более изощренной бюрократией, с одной стороны, так и с определенной свободой делать то, что необходимо делать, чтобы сохранять свое дело и быть хоть сколько-то прибыльными в сложившихся условиях,

— с другой.

Приходилось слышать, что бизнесмены чуть ли не открыто говорят с чиновниками, в том числе вполне высокопоставленными, о том, как им приходится выкручиваться в ситуации, когда от них ждут наполнения рынка, но при этом все понимают, что полстраны вовлечено в параллельный импорт и все с ним связанное, а значит, за любым действием маячит потенциальное или реальное нарушение какого-то из наших многочисленных законов. Например, в области валютного регулирования. И они говорят прямо: «Вы от нас ждете эффективности и лояльности, но практически любого из нас можно завтра посадить». Как в такой ситуации думать о развитии, думать о будущем?

Да и сами чиновники, сами бюрократы не в лучшей ситуации. Они же все всё понимают, но что они могут сделать, не подвергая себя вполне реальной и серьезной опасности? Ну, например саботировать какой-то особо идиотский или очевидно глупый приказ. Чем они порой вполне виртуозно и занимаются. Но им же никто толком ничего не объясняет, им отдают распоряжение: следуем повестке. А какая эта повестка? Куда она ведет? К какому будущему? Этого им никто не говорит, потому что никто этого не знает даже на самом верху.

По большому счету можно сказать, что

образа будущего, даже его хоть сколько-то
внятного наброска, сегодня нет ни у кого.

Будущее рассматривается в основном как несколько скорректированное, измененное теми или иными событиями настоящее. И это при том, что мы же не живем в безвоздушном пространстве, вокруг нас живет и развивается остальной мир,

который отчетливо движется вперед. Но все продолжают топтаться по кругу нашего маленького цикла, в котором больше шагов назад, чем шагов в это самое «вперед», старательно не замечая, что больший цикл не только существует, он уже здесь и вполне влияет и на нашу жизнь.

Это довольно любопытный феномен, что люди не замечают, что будущее уже здесь, как минимум — его отдельные составляющие. Просто это будущее неравномерно распределено: где-то оно уже вполне отчетливо присутствует, где-то пока не проявилось, а где оно размазано таким тонким слоем, что его не очень заметно.

Например, вот есть тема возобновляемых источников энергии, которая во всем мире несется вперед. А у нас люди, в том числе вполне молодые и образованные, не просто не замечают ее, а довольно агрессивно от нее отбрыкиваются. Им можно показывать цифры, приводить аргументы, расписывать опыт разных стран, того же Китая, который ежегодно вводит впечатляющие мощности, но они категорически все это отрицают, не хотят видеть это будущее, которое совсем рядом с нами, уже не будущее, а вполне уверенное настоящее. То, что еще 10 лет назад им же самим казалось перспективным, казалось мейнстримом, теперь отбрасывается как ненужное.

Часто приходится слышать, что все просто проживают сегодняшний момент зажавшись и не вдумываясь в происходящие изменения, чтобы потом все кончилось каким-то образом и все перенесли обратно в 23 февраля 22-го года и зажили заново в том мире, но уже по-нормальному.

А еще лучше перенестись в конец 19-го года, чтобы исчезла еще вдобавок и пандемия. Но очевидно же, что страна и люди за это время так изменились, что никакого подобного возвращение в «будущее после, которое сзади» просто не может быть. На все то неплохое и перспективное, что было у нас тогда, наслоились, например, перекошенная экономика, привычка к насилию, разнузданная пропаганда, технологическое отставание. Да много чего наслось. И проявляется это во всем — от обычных бытовых вещей до того, как принимаются самые серьезные управленческие решения.

Ко всему этому надо добавить фактор Китая, который в экономическом плане влияет на очень многое происходящее у нас и будет влиять все больше. А еще — фактор отчетливых изменений на рынке труда, связанных как с произошедшими качественными и количественными демографическими изменениями, так и с изменениями технологическими. Искусственный интеллект теперь везде, и его тоже будет становиться только больше, и он будет везде. Плюс добавим сюда некий ценностный ураган, который не только у нас бушует, но и во всем мире. И тут мы как раз вполне совпадаем с частью этого мира.

Это неизбежно накладывается на то, что страна у нас весьма разнообразная, и неизбежно опыт последних четырех лет в разных ее частях по-разному проявится. Уже проявляется. Люди на все смотрят разными глазами, приобретают разный опыт и переваривают это все социально разным образом. Белгородский опыт будет сильно отличаться от опыта приморского, а московский опыт — от опыта Бурятии или Тывы. Удаленность от эпицентра военных действий сказывается и будет сказываться так же значительно, как и количество и качество тех, кто задействован сейчас в этих военных действиях и возвращается обратно. Это все будет влиять на социальный климат и не только.

С данной категорией вообще все уже проблематично, а дальше это будет только накапливаться. Бывшие бойцы за очень редкими исключениями просто и естественно вписываются обратно в обычную жизнь. Они точно захотят к себе особого отношения и будут такого отношения требовать. Власти совершенно точно знают об этой проблеме, поэтому создают всевозможные программы, закупают в них изрядные средства, а параллельно включают в свои опросы общественного мнения вопросы про то, кем люди считают возвращающихся с фронта: героями или оппортунистами. И видят в результатах этих опросов не самые вдохновляющие данные. Это уже почти проблема, а в «будущем после» точно будет таковой.

Параллельно проседает инфраструктура, становятся убыточными отрасли, которые еще недавно процветали, а регионы, которые привыкли жить хорошо, начинают затягивать пояса. Это меняет вектор того, куда двинется будущее. В ответ же власти выбирают стратегию тушения пожаров: сидят где-то у себя на вышке, где-то что-то загорается, они снимаются с места, тушат как могут и отправляются обратно на свою вышку дальше следить за появлением тех или иных экстремальных проявлений или ЧП. На это у них вполне хватает компетенций, навыков, ресурсов и скорости реагирования. Хотя и не всегда.

Впрочем, это даже не стратегия, а скорее во многом вынужденный тактический выбор. Стратегии как таковой нет, а значит, «будущее после» может быть каким угодно. Его никто не готовит, не закладывает основ для него. Повторюсь, во многом будущее уже здесь, просто его стараются не замечать. Если в него взглядеться, проанализировать толком, то тогда, возможно, в нем станет меньше неопределенности и оно перестанет быть таким пугающим. Многое уже тут, уже с нами, надо это и признать, и правильно воспользоваться этим.